
Н.И. Шубникова-Гусева

«Я последний поэт деревни...»

В 1919 году наступает резкий перелом в настроениях Есенина. Он видит реальную опасность разрушения родного мира природы и чувствует свое бессилие перед грубой механической силой. В стихи двадцатипятилетнего поэта, теряющего свою любимую «голубую Русь», входят мотивы преждевременного заката жизни («Увяданья золотом охваченный, // Я не буду больше молодым»). Стихи 1919–1920 («Кобыльи корабли», «Хулиган» «Исповедь хулигана» и др.), в которых критики видели «отрицательное влияние имажинизма», «увлечение вычурными образами и нарочито вульгарной лексикой» были для поэта не простым трюкачеством, а естественным поэтическим и гражданским протестом против «умерщвления личности как живого».

В письме к Е.И. Лифшиц, написанном в августе 1920, поэт дает такую оценку происходящему:

«...Идет совершенно не тот социализм, о котором я думал... Тесно в нем живому, тесно строящему мост в мир невидимый, ибо рубят и взрывают эти мосты из-под ног грядущих поколений».

В эту эпоху «без славы и мечтаний», когда, по словам Маяковского, лирика была «в штыки неоднократно атакована», Есенин взывал к человеческой нежности и милосердию. Какой-то особенной грустью отмечены элегии поэта, покидающего родные поля: «Душа грустит о небесах...» и написанная во время поездки в Константиново в мае 1920 года — «Я последний поэт деревни...». Это стихотворение сразу было воспринято современниками как важнейшая автохарактеристика поэта и цитировалась и упоминалась почти в каждой статье о Есенине.

Есенин создает обобщенный образ деревни и справляет «панихиду» по дорогому деревенскому миру, без которого не мыслит жизни. Он выражает не только свою боль, но и боль многих-многих жителей России, страны по преимуществу аграрной:

Я последний поэт деревни,
Скромен в песнях дощатый мост.
За прощальной стою обедней
Кающихся листвою берез.

Стихотворение строится как взгляд поэта в будущее, в последний «двенадцатый час», который сулит умерщвление всего живого. Только в первой строфе происходящее дается в настоящем времени, в начале дня, так как обедня — церковная служба у Христиан, совершаемая утром или в первую половину дня. Поэт называет себя последним поэтом деревни. Дощатый мост, упомянутый в автохарактеристике, настраивает на размышления. Это не только реальный мост, который может находиться в любой русской деревне, расположенной на реке. Это метафора, которую Есенин упомянул в письме к М. Лифшиц — «мост в мир невидимый», который в эпоху социализма «взрывают из-под ног грядущих поколений».

Остальные четыре строфы — это взгляд в будущее, прощание с умирающей избяной Русью, без которой не жить ее последнему поэту. Знаком собственной гибели, которую видит герой стихотворения в юности, становится догорающая свеча и «луны часы деревянные», которые «прохрипят мой двенадцатый час». Эта же строчка повторяется в конце стихотворения.

Здесь все: и свеча из телесного воска, и осенний овсяный злак — говорит об умирании природного мира и человека, для которого все живое — родное, а все не живое — чужое:

Не живые, чужие ладони,
Этим песням при вас не жить!

Прощание с деревней не сводится к противостоянию деревни и города или протесту против наступления «железного гостя», новой технической эры паровозов и тракторов. В каждой строчке выражена пронзительная боль от гибели традиционного уклада русской жизни, целого мира русской духовности, когда высшей ценностью являлось все живое — «милое, родное, звериное».